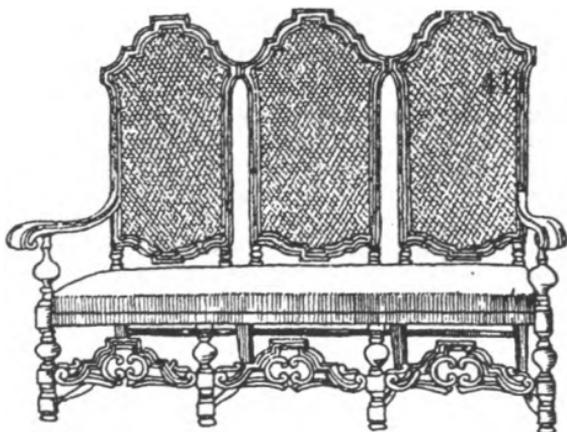

Демидовы

ИХ ЖИЗНЬ
И
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Биографический очерк
В. В. Огаркова

*С портретом Акинфия Демидова,
гравированным
в Лейпциге
Геданом*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	417
-------------------	-----

ГЛАВА I

Петр Великий и тульские кузнецы

Петровская эпоха.— Титан-царь и бедная Русь.— Горное дело на Руси до Петра.— Основание первого железного завода.— Заботы Петра о горном деле.— Роль «случайных» людей в истории.— Никита и Акинфий Демидовы.— Детство и воспитание их.— Встреча с Петром.— Первые ружья.— Завод в Туле.— Успехи Никиты.— Благоволение царя	419
--	-----

ГЛАВА II

Урал и его пионеры

Уральские горы.— Их богатства.— Постройка Невьянского завода.— Обед с кузнецами.— Отдача заводов Демидову.— «Правые слезы» и «обидные вздыхания».— Приписка крестьян к заводам.— «Протекционизм» Петра.— Старый дом в Невьянке.— Портрет Никиты.— Страшная башня.— Легенды и предания.— Никита-комиссар и дворянин.— «Крапивное семя».— Доносы на Демидова.— Дешевые цены изделий.— Подарок на «зубок» царевичу.— Судоходство и судостроение	428
--	-----

ГЛАВА III

Кузнецы — властелины Урала

Нужда в «живой силе».— Беглые и «пришлые».— Тяжкая их доля.— Заводы — обетованная земля.— Раскольники.— «Приписные» крестьяне и их положение.— Демидовы как помещики.— Грозный Никита Никитич.— Историк Татищев.— Два врага.— Опасность борьбы с Акинфием.— Подвиги его.— «В домны помечем!»— Примирение противников.— Ревизия на заводах.— Происки Демидовых.— Отозвание Татищева.— Иск за «оболгание».— Реферат о взяточничестве	441
--	-----

ГЛАВА IV

Увеличение богатств и могущества Демидовых

Характер Никиты.— Слава его.— Смерть.— Акинфий — наследник и хозяин.— Берг-привилегия.— Портрет Акинфия.— Деятельность и энергия Акинфия.— Экспедиции в Сибирь.— Открытие медных руд.— Постройка заводов.— Плавка меди.— Резиденция Акинфия.— Невьянские кустари.— Железо и золотые россыпи.— «Историк» — усмиритель башкирских бунтов.— Аутодафе.— Акинфию плохо.— Придирки фискалов.— Прижимки Татищева.— Милость Бирона.— Кабаки.— Акинфий в силе 453

ГЛАВА V

В погоню за золотом

Густав Бирон и вдова комиссара.— Открытие горы Благодати.— Лакомый кусок.— Богатство и мощь Акинфия.— «Благородные» металлы.— Кровавая история золота.— Обожение богатства в обществе.— Открытие серебряных руд.— Змеиногорский рудник.— Первый слиток.— Монетный двор в Невьянске.— Фальшивый монетчик.— Игра в карты во дворце.— Отобрание заводов.— Свойства Акинфия.— Смерть грозного заводчика 460

ГЛАВА VI

Не в отцов дети

Демидовы-родоначальники и Демидовы-потомки.— Никита Акинфиевич.— Его жестокость.— Эпизод с беглыми.— Диковинные вещи на Урале.— Переписка с Вольтером.— Путешествие Никиты.— Жалобы крестьянского депутата.— «Чудаки» и «чудачества».— Прокофий Акинфиевич.— Его шутки.— Нелюбовь к дворянам.— История со статс-дамой.— Пожертвования «чудака».— Женидьба по объявлению.— Продажа заводов Савве Яковлеву.— Долг Сумарокова 469

ГЛАВА VII

Демидовы-европейцы

Благотворительность Демидовых.— Павел Григорьевич Демидов.— Его воспитание и путешествие.— Переписка с Линнеем.— Светлый момент русской истории.— Манифест о министерствах.— Основание лицея в Ярославле.— Сентенции Павла Григорьевича.— Князя Сан-Дonato.— Анатолий и его отец.— Собираание коллекций.— Женидьба.— Салон принцессы Матильды.— Куда шли миллионы Анатолия.— Его выходки.— Смерть.— Павел Сан-Дonato.— Воспитание и университет.— Женидьба и смерть жены.— Служба по выборам.— Вторая женидьба.— Религия.— Деятельность в «Красном кресте».— Жизнь в Петербурге.— Литературная деятельность.— Благотворительность.— Смерть 479

ИСТОЧНИКИ 492

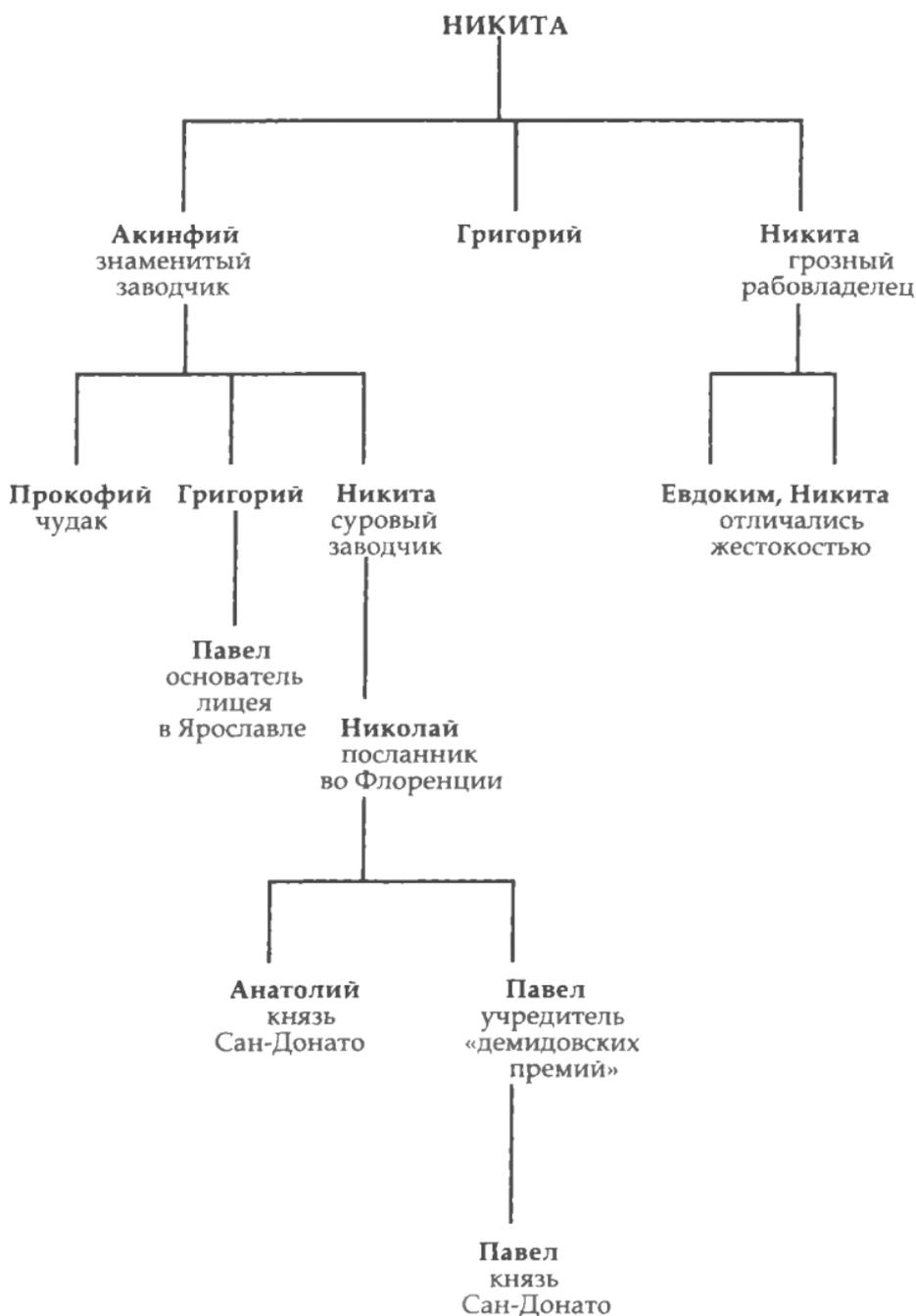
ПРЕДИСЛОВИЕ

Фамилия Демидовых пользуется громкою известностью. Быстрое возвышение, громадное богатство, широкая благотворительность и большие услуги, оказанные представителями этой фамилии русскому горному делу, а также крайне оригинальные поступки и чудачества некоторых из Демидовых — обращали на себя внимание не только у нас, в России, но и за границею.

Самыми интересными лицами из фамилии Демидовых являются бесспорно ее родоначальники — тульские кузнецы Никита и сын его Акинфий, деятельности которых главным образом и посвящается наше исследование. Эта деятельность, как по характеру первых Демидовых, упрочивших горное дело в России и основавших много новых производств, так и по особенностям Петровской эпохи, представляет огромный интерес. С уральского периода жизни тульских кузнецов, с которым, собственно, и связана их слава и историческое значение, все наше внимание привлекает выступающая на первый план личность старшего сына Никиты — Акинфия, между тем как два младших сына первого Демидова не оставили особенных следов в истории горного дела на Руси. Акинфию, распоряжавшемуся всем от своего имени и от имени отца, Урал и Сибирь обязаны устройством многочисленных заводов и рудников, а потомки — своими громадными богатствами.

Хотя и другие представители рода Демидовых могут занимать исследователя в том или другом отношении — как основатели заводов, как господа своих крепостных, как богачи, не знавшие, куда девать доставшееся им гигантское наследство, или наконец как «чудаки», — в связи с интересными общественными отношениями эпох, в которые им приходилось жить и действовать, — но мы, по самым размерам нашего труда, должны остановиться только на наиболее характерных портретах из галереи потомков тульских кузнецов, породнившихся, в лице Анатолия, князя Сан-Донато, с династией Бонапартов.

**РОДОСЛОВНАЯ ДЕМИДОВЫХ,
о которых упоминается в нашем очерке**

ГЛАВА I

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ТУЛЬСКИЕ КУЗНЕЦЫ

Петровская эпоха.— Титан-царь и бедная Русь.— Горное дело на Руси до Петра.— Основание первого железного завода.— Заботы Петра о горном деле.— Роль «случайных» людей в истории.— Никита и Акинфий Демидовы.— Детство и воспитание их.— Встреча с Петром.— Первые ружья.— Завод в Туле.— Успехи Никиты.— Благоволение царя

Немного найдется таких интересных эпох во всемирной истории, как Петровское время на Руси. С одной стороны, титаническая личность Петра, его непреклонная воля, могучая энергия и самые фантастические планы обновления России, с другой,— эта бедная, некультурная страна, затерявшаяся среди болот и топей, измученная татарским гнетом, «собранием» Москвы, эпохой междуцарствия и недавно миновавшею «разинщиною»,— представляли в своем роде единственный контраст. Для историка-философа, защищающего классический принцип «делания» истории только героями, то есть лицами, одаренными титаническими свойствами, это время, когда могучая воля царя, казалось, решительно двинула косневший в невежестве народ на путь европейского просвещения, представляет великолепный аргумент в пользу его теории. Но и для историка-социолога, представителя боклевского взгляда на историю, эпоха Петра I даст немало материалов в защиту совсем иного положения, что в стихийно, веками слагавшейся жизни масс, как в безграничном море, может исчезнуть или оставить лишь незначитель-

ные следы энергия личности, будь эта личность даже гением.

И действительно, титан-царь напрасно будил бедную и больную страну пинками и дубинкой: в ней было еще слишком мало сил для принятия новых веяний, она еще не оправилась от прежних забот. И это единственное, кажется, в мировой истории зрелище,— насаждение европейской цивилизации в полудиком народе, которым были тогдашние русские, при помощи пыток застенка и казней,— не могло, конечно, сопровождаться лишь одними плодотворными результатами. В муках Петровского переворота, выкупавшись в крови стрелецких казней и беспощадно подавленных бунтов, после судорог сверхъестественных усилий, Русь не обновилась вполне, как желал того гений Петра, и не набралась настолько сил, чтобы верным шагом идти к намеченной Преобразователем цели. Если же Петр был необходимым орудием исторического процесса и первый решительно приобщил Русь к европейскому просвещению, то, с другой стороны, по мнению славянофилов, те нечеловеческие усилия, которые требовались от утомленной страны, та регламентация, наперекор веками сложившемуся строю, даже мельчайших проявлений общественной и частной жизни на западный лад,— регламентация, поддерживаемая угрозами строгих наказаний, как бы надорвали силы государства и, может быть, даже, что реформы Петра, требовавшие такой необычайной затраты неокрепших народных сил, сделали то, что, спустя двести лет после него, мы являемся по-прежнему отсталым народом и далеки еще до полного осуществления желаний царя-работника, прорубившего могучею рукою окно в Европу. Так организм, измученный «переутомлением» и муштровкой в детстве, является в умственном отношении малопродуктивным в эпоху зрелости.

Обширная деятельность предстояла Петру при вступлении на царство. Его изумительной энергии приходилось разбрасываться и поспевать всюду. Пылкий юноша, ставший потом фанатиком идеи немедленного пересоздания России, он, во время путешествия по Европе, знакомится с хорошими порядками, благоустройством, с великими произведениями наук и искусств, и на своей родине находит лишь бедность и невежество. На необъят-

ном пространстве своего отечества он встречает редко разбросанные города с деревянными постройками, похожие на деревни и бедные села. Болота, леса, степи,— не заселенные, плохо возделанные,— вот его родина. Нет ни школ, ни памятников искусства, ни хорошего войска и флота, ни заводов и фабрик, ни даже хороших ремесленников. И фанатической идее обновления этого веками сложившегося быта и преобразования его в благоустроенное государство приносятся гекатомбы человеческих жертв, и, во славу будущего, в шведской и турецкой войнах, при постройке новой столицы у самого моря, при устройстве многочисленных крепостей, городов и верфей гибнут сотни тысяч «пушечного мяса».

Горное дело на Руси было в таком же печальном положении, как и другие отрасли государственного хозяйства, и Петру вскоре пришлось почувствовать все неудобства этого. Являясь, по количеству и качеству полезных ископаемых, одною из самых богатейших стран в мире, если не самою богатою, Русь в то же время едва ли не беднейшее государство по предприимчивости и приемам для разработки горных богатств. И, понятно, при Петре I это несоответствие, плохо рекомендуемое культуру страны, являлось еще в более резких формах.

Первые сведения о горном деле в России имеются из эпохи Иоанна III, когда, по свидетельству Карамзина, в бассейне реки Печоры были открыты серебряные и медные руды. Затем в 1571 году Иван Васильевич Грозный просил шведского короля, чтобы тот уступил ему рудное месторождение близ границы, но чем кончилось это ходатайство — неизвестно. Первый завод для выделки железа был построен правительством во время Михаила Феодоровича, в 1628 году, в нынешней Тобольской губернии,— Ницынский. Но, конечно, слово «завод»,— если понимать его в нынешнем значении, когда под этим именем разумеют громадные устройства, стоящие сотни тысяч и даже миллионы,— слишком громко для простой кузницы, которой в сущности являлся вышеуказанный завод и в котором изготовлялось в небольших количествах плохое железо. Подобные кузницы, но только меньших размеров, издавна, впрочем, были известны в России; в них получалось железо прямо из железных руд, в небольших особенного устройства печах. Это, так сказать,

«кустарное» производство металла было настолько незначительно, что далеко не удовлетворяло потребностей в нем, и до XVI века наша родина в значительной степени пользовалась привозным железом.

Более определенные указания на появление у нас сравнительно больших заводских устройств, далеких, однако, по своим размерам и средствам от громадных заводов современного промышленного типа, относятся только к концу XVII столетия. Впрочем, как «кустарное» производство, так и вновь устроенные заводы обрабатывали только самый прозаический, но тем не менее самый необходимый металл — железо. Что же касается до получения и обработки более «благородных» металлов, то эта область у нас была в то время почти неведомою. Хотя всевозможные руды лежали чуть не на поверхности почвы, но недостаток предприимчивости, капитала и знания, а также весь строй тогдашней общественной жизни не позволяли ими пользоваться. Даже Уральская горная цепь, протянувшаяся на 700 верст в длину и 150 в ширину и заключающая в своих недрах неисчерпаемые минеральные богатства, оставалась девственною до самой середины XVII столетия, когда на Урале был построен первый чугуноплавильный и железоделательный завод — Пыскорский (1640 год). Вообще говоря, горное дело на Руси даже при Алексее Михайловиче представляло только попытку или случайный промысел и притом в самых бедных размерах. Только уже к концу XVII века правительство, нуждаясь в железе, построило на Урале еще несколько плохих заводов.

И в таком младенческом состоянии было горное дело у нас в то время, когда оно за собою имело в Европе целые столетия. Поневоле приходилось металлы привозить из-за границы и даже железо и сталь русские чуть не до конца XVII века не переставали получать из Швеции (свейское железо), что представляло большие неудобства, особенно во время войны с этим государством, когда эти металлы значительно поднимались в цене и провоз их через границу затруднялся.

Петр I, в своей борьбе со Швецией, испытывал большой недостаток в металлах: известно, что он переливал даже церковные колокола на пушки, чем немало способствовал утверждению за собой в народе названия «анти-

христа». Царь поневоле должен был обратить внимание на горное дело, получившее для него такую большую важность. Пришлось, конечно, и здесь обратиться к Европе. Не рассчитывая на доморожденные знания и предприимчивость, Петр выписал из-за границы «рудознатных» мастеров и специалистов по горнозаводскому делу. В числе их был и знаменитый Геннин — основатель заводского дела в Олонецком крае, работавший на Урале, — человек большой энергии и знания.

Но «случайная» встреча Петра с Демидовым поставила вопрос о горном деле на иную почву: она дала толчок частной предприимчивости и послужила причиной к основанию и развитию, — правда, на счет государства и путем больших жертв, — многих заводов в России.

«Случайные» встречи и «случайные» люди играли большую роль в русской истории, как, впрочем, и в истории других малокультурных народов. Известно, что и при Петре I были эти «случайные» люди: «безродный баловень счастья», могущественный князь Меншиков, человек корыстолюбивый и жестокий, но громадных способностей, был, как известно, возвышен из пирожников; Шафиров и некоторые другие сподвижники царя были людьми низкого звания. Но между «случайными» людьми при Петре I и такими же, например, в царствование Екатерины II — была существенная разница. Между тем, как петровские любимцы редко не оправдывали своими способностями доверия царя и, в случае проступков, многие из них получали суровое возмездие, — при Екатерине II в вершители судеб государства попадали люди совершенно ничтожные в умственном отношении, и послабления государыни делали их безнравственные качества особенно вредными государству.

Таковыми «случайными» способными людьми при Петре были и оказавшие громадные услуги горному делу в России два тульских кузнеца, Никита и сын его Акинфий Антуфьевы — родоначальники знаменитой горнозаводской «династии» Демидовых, близкие потомки которых были известны всей Европе по своему громадному богатству, мотовству и чудачествам. Правнук тульского кузнеца Акинфия, «великолепный» князь Сан-Дonato, Анатолий, был женат на родной племяннице Наполеона I

графине Матильде де Монфор. История Демидовых, начинающаяся грубым кузнецом, работавшим у хозяина за алтын в неделю, и кончающаяся князьями Сан-Донато, обладателями миллионных доходов, собственниками неопенимых коллекций художественных предметов и владельцами роскошного поместья Медичисов-Пратолино,—могла бы быть интересным сюжетом для какой-нибудь романтической легенды или фантастической сказки.

О детстве Никиты (родился в 1656 году) и Акинфия (родился в 1678 году) Демидовых мы не имеем сведений: история застает их уже взрослыми людьми. Мы знаем только, что отец Никиты, Демид Григорьевич Антуфьев, был крестьянин деревни Павшиной, около Тулы, и переселился в город для занятия кузнечною работою; известно еще, что Никита остался малолетним после отца и очень любил свою старую мать, которой, по рассказу Бантыша-Каменского, послал первые 5 алтын, заработанные в Туле,— за то, что «поила и кормила его». Но мы можем предполагать, что детство будущих богачей прошло в суровых лишениях и тяжелом труде, так как только при подобных обстоятельствах могли выработаться такой могучий характер и та энергия в преследовании раз намеченной цели, какие мы встречаем у Акинфия.

В ту эпоху, когда начали свою деятельность первые Демидовы, ни в общественную жизнь, ни в редкие на ту пору на Руси школы не проникали те начала гуманности, которые составляют достояние последнего времени и осуществляются вполне, может быть, только в далеком будущем. Это был век жестоких нравов, суровых характеров и беспощадного отношения к тем, кто считался виновным и не мог спастись «протекциею». Самым ярким воплощением этих свойств эпохи является величаво ужасная в своих проявлениях личность Петра. Многочисленные процессы по «слову и делу» показывают, до чего тогда мало ценилась жизнь человека и какими средствами каралась его «злая воля». И нам теперь кажутся даже невероятными эти случаи, когда люди, зная, что их ждет, и как бы презирая физические страдания, все-таки кричали страшное «слово и дело». Застенки лютого Преображенского приказа, где действовали такие люди, как князь Ромо-

дановский и впоследствии Андрей Иванович Ушаков,— были слишком плохой школой для развития гуманных чувств. Понятно, что и первые Демидовы были плотью от плоти и костью от кости тогдашнего общества. По крайней мере, как мы увидим впоследствии, такими рисуют их имеющиеся у нас данные.

Был ли грамотен Никита Демидов — на этот счет не имеется точных указаний: при даче сведений о количестве имеющегося у него железа известному Василию Никитичу Татищеву и в других случаях он приказывал расписываться за себя своим приказчиком и сыну Акинфию. Существуют, однако, указания и на то, что он мог, с грехом пополам, читать и писать. Что же касается Акинфия, то он получил все то образование, которое могла ему дать тульская школа того времени: он умел читать и писать по-церковному, и долго у него еще и впоследствии, когда демидовские заводы производили уже продуктов ежегодно на сотни тысяч рублей,— сумма громадная для того времени,— все записи в торговых и заводских книгах велись церковнославянскими литерами. Не забудем, впрочем, того, что грамота составляла удел немногих в тогдашней Руси: даже знаменитые члены Верховного Тайного Совета, как это видно из подлинных документов, с трудом выводили неуклюжими буквами свои подписи на бумагах. Если и плохо было образование первых Демидовых, как и большинства обитателей России в то время, зато у них была та природная сметливость, которою отличаются многие русские люди, способность к труду, энергия и техническая сноровка, приобретенная личною работою в мастерских.

Относительно того, каким образом Никита сделался известен Петру, существует несколько рассказов. По одному из них, наиболее достоверному, Никита, во время проезда через Тулу какого-то из петровских вельмож (вероятно, Шафирова), не только исправил путешественнику испортившийся пистолет знаменитого оружейника Кухенрейтера, но и сделал другой по тому же образцу, нисколько не уступавший оригиналу. Шафиров тогда же обратил внимание царя на сметливого тульского оружейника. Петр, проезжая через Тулу из Воронежа в 1696 году, хотел заказать несколько алебард по иностранному образцу, и на вызов его явился только один Никита. При этом,

по преданию, произошла следующая сцена. Царь, плененный ростом, силою и статностью красивого кузнеца, сказал, обращаясь к окружающим:

— Вот молодец! Годится в Преображенский полк, в гренадеры!

Солдатчина тогда в глазах народа была одним из самых тяжелых наказаний, и немудрено, что Никита повалился в ноги грозному царю и стал просить, ради престарелой матери, помиловать его.

— Если таких 300 алебард сделаешь, то помилую,— сказал Петр.

Кузнец исполнил работу вдвое скорее, чем назначил царь, и получил за нее тройные деньги от Петра, умевшего быть и милостивым.

Существует несколько вариантов рассказа о первой встрече Петра I с Демидовым; но здесь их все приводить нет надобности. Как о всяких событиях, где принимают участие крупные личности, и около этой встречи знаменитого кузнеца со знаменитым царем существует целый круг легендарных сказаний. Вот одно из них, по которому уже не Шафиров, а сам Петр отдал Никите для починки испортившийся пистолет работы Кухенрейтера. Когда кузнец исправил его и принес к царю, то последний обратил внимание на великолепную работу и жалел, что у него нет мастеров, чтобы делать такое оружие.

— И мы, царь, против немца постоим! — сказал Никита.

Царь уже не раз слышал эти ненавистные слова, — «закидаем шапками!» — от своих московских бояр, к тому же он выпил анисовки, и его ретивое не стерпело: он ударил в лицо Демидова и закричал:

— Ты, дурак, сначала сделай, а потом хвались!

— А ты, царь, сначала узнай, а потом дерись! — ответил Никита и подал Петру сделанный им новый пистолет, нисколько не уступавший по работе заграничному. Горячий царь смилостивился и извинился перед кузнецом.

Как бы то ни было, но достоверно известно, что Никита вскоре после первой встречи с Петром доставил ему в Москву шесть отлично сделанных ружей и назначил платы по 1 руб. 80 коп. за каждое, тогда как до этого

казна платила за них за границу по 12 и даже по 15 рублей за штуку.

Это было во время шведской войны. Понятно, царь обрадовался, что отыскал такого диковинного кузнеца у себя на родине, поцеловал Никиту, подарил ему 100 рублей и сказал: «Постарайся, Демидыч, распространить свою фабрику, я не оставлю тебя!» Петр, не терпевший откладывать дела в долгий ящик, тут же приказал отвести Демидову в 12 верстах от Тулы, в Малиновой Засеке, несколько десятин земли для добывания железной руды и жжения угля.

Таким образом, при помощи царя, увидевшего в Никите предприимчивого и искусного мастера, Демидов построил в устье реки Тулицы большой железный завод с вододействующими машинами и стал поставлять в казну, по дешевым ценам, хороших качеств ружья, не уступавшие иностранным, и в Пушкарский приказ — разные военные снаряды. Царь не забывал своего любимца и в 1701 году дозволил ему увеличить завод, отдал в собственность лежавшие около Тулы стрелецкие земли и для выжига угля приказал отвести в Щегловской Засеке полосу во всю ширину ее и на пять верст в длину, с исключительным правом копать руду в Малиновой Засеке только одному Демидову. Таким образом, великий царь по отношению к «Демидычу» практиковал «протекционистскую» систему, и завод счастливого кузнеца был вполне обеспечен и материалами, и сбытом своих произведений.

Впрочем, Петр, ставя всегда полезные для государства меры на первый план и не стесняясь прежними своими распоряжениями, скоро запретил «Демидычу» рубить в Щегловской Засеке клен, дуб и ясьень, необходимые для постройки многочисленных кораблей. Это обстоятельство, затруднявшее заводчика вследствие недостатка необходимого горючего материала, послужило причиной события, которое и выдвинуло Демидова на вид, доставило ему в истории горного дела России одно из самых почетнейших мест и, вместе с тем, дало фамилии Демидовых то колоссальное богатство, которое могло обеспечить их царскую роскошь.

Если бы Демидовы ограничились только своею деятельностью в Туле, то, вероятно, история не имела бы в

них в своем роде героев, *создавших* и упрочивших на Руси целую отрасль государственного хозяйства. Руды около Тулы были не особенно высоких качеств, и производительность тульского завода не могла быть значительною. Демидовых ждал к себе почти девственный и пустынный Уральский хребет со своими знаменитыми горами, состоящими из сплошной великолепнейшей руды, с неисчерпаемыми и разнообразными минеральными богатствами, с чудесными золотыми и платиновыми россыпями... А за Уралом были сибирские степи и горы, еще более пустынные и ждавшие предприимчивых пионеров. Там было где развернуться тульским кузнецам! И история, в которой мерилом значения личности и ее героических свойств является,— что бы там ни говорили историки,— во многих еще случаях, достигнутый личностью в ее начинаниях внешний успех,— имеет полное право вписать в свои скрижали имена первых Демидовых: их успех на Урале был громаден.